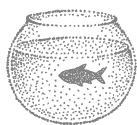

> МАГИСТРАЛЪ >

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

Своя комната

Москва

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-44
В88

Virginia Woolf
A ROOM OF ONE'S OWN

Перевод с английского *Влада Чарного*

Литературный редактор *Анна Шеремет*

Перевод эссе *Инны Бернштейн*

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Вулф, Вирджиния.

В88   Своя комната / Вирджиния Вулф ; [перевод с английского В. Чарного, И. Бернштейн]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-226180-0

Тексты Вирджинии Вулф всегда текут, как сознание: без чётких берегов, с вихрями мыслей, воспоминаний и чувств. Вулф — центральная фигура модернизма и «Блумсберийского круга», она писала о времени, памяти, о женщинах. Её проза тонка и дерзка одновременно — она исследует не внешнее, а внутреннее, не события, а то, как они преломляются в человеческом сознании.

«Своя комната» — это эссе, ставшее манифестом женской свободы и интеллекта. Поводом для его написания стала лекция о женщинах и литературе, но из размышлений Вулф вырастает не просто литературная критика, а философия независимости. Чтобы писать, говорит она, женщине нужно «своя комната и немного денег» — символы права на личное пространство и возможность быть собой. Вулф рассуждает о судьбах писательниц прошлого, о том, как общество лишало женщин голоса, и о том, что нужно, чтобы этот голос вновь зазвучал.

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-44

- © Чарный В., перевод на русский язык, 2026
- © Бернштейн И.М., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-226180-0

СВОЯ КОМНАТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вы скажете — ведь мы же просили вас рассказать о женщинах и художественной литературе — какое отношение к этому имеет своя комната? Постараюсь пояснить. Когда вы попросили меня выступить с речью о женщинах и художественной литературе, я уселась на берегу реки и начала размышлять о том, что значат эти слова. Они могли означать всего лишь несколько замечаний о Фанни Бёрни¹; еще несколько — о Джейн Остин; дань уважения сестрам Бронте и зарисовку Хоэрта², укрытого снегом; по возможности, несколько острот о мисс Митфорд³; почтитель-

---

¹ Фрэнсис Бёрни (после замужества — мадам д'Арбле), известная как Фанни Бёрни (1752–1840), — английская писательница, «мать английской прозы». Автор романов «Эвелина», «Камилла» и знаменитых дневников. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, — примечания редактора).

² Деревня в Западном Йоркшире — родина сестер Бронте: Шарлотты, Эмили, Энн. Сегодня в Хоэрте находится Музей семьи Бронте.

³ Нэнси Фриман-Митфорд (1904–1973) — британская писательница и журналистка, автор романов о жизни высшего общества Великобритании и Франции, а также исторических биографий («Мадам де Помпадур», «Влюбленный Вольтер» и пр.). Славилась своим провокационным остроумием.

ное упоминание Джордж Элиот; ссылку на миссис Гаскелл¹ — и на этом можно было бы закончить. Но при более внимательном рассмотрении слова эти кажутся не такими уж простыми. Вопрос о женщинах и художественной литературе мог включать в себя то, что вы, возможно, подразумевали, — женщин и то, чем они являются; или женщин и то, что они пишут; или женщин и то, что пишут о них; или что все три смысла неразрывно переплетены и вам угодно, чтобы я рассмотрела их в этом свете. Но когда я приступила к разбору этой темы с последней, самой интересной точки зрения, я сразу увидела, что у подобного подхода имеется один роковой изъян. Я никогда не смогу прийти к заключению. Я никогда не смогу исполнить то, что, по моему разумению, является первейшей обязанностью лектора: после часовой речи вручить вам самородок чистой истины, чтобы вы завернули его в страницы своих блокнотов и вечно хранили на каминной полке.

Все, что я могу, — это высказаться перед вами по одной из сторон вопроса: если женщина собирается связать свою жизнь с художественной литературой, у нее должны быть деньги и своя комната; и это, как вы увидите, все равно оставляет нерешенным вечный вопрос истинной природы женщины и истинной природы литературы. Я уклонилась от обязанности сделать какой-то вывод — на мой взгляд, проблема женщин и литературы остается неразрешимой. Но чтобы

---

¹ Элизабет Глегхорн Гаскелл (1810–1865) — британская писательница Викторианской эпохи.

как-то загладить свою вину, я сделаю все, чтобы показать вам, как я пришла к мысли о комнате и деньгах. Я как можно полнее и свободнее собираюсь раскрыть вам ход моих мыслей, который привел меня к этой идее. Возможно, если я обнажу те идеи и предрассудки, что лежат в основе этого утверждения, вы обнаружите, что они имеют некоторое отношение к женщинам и некоторое — к литературе. Во всяком случае, когда тема является крайне спорной — а таковым и является любой вопрос, касающийся пола, — нельзя надеяться на то, что изречешь истину. Можно лишь показать, как ты пришел к тому или иному мнению. Можно лишь дать своей аудитории возможность сделать собственные выводы, отметив ограниченность, предрассудки, странности оратора. И вероятно, что при этом в вымысле будет заключено больше правды, нежели в фактах.

Поэтому я, пользуясь всеми вольностями и преимуществами романиста, предлагаю вам выслушать историю двух дней, предшествовавших моему приходу сюда, — о том, как, согнувшись под бременем темы, возложенной вами на мои плечи, я размышляла над ней, вплетая ее в свою повседневную жизнь и выпутывая обратно. Само собой разумеется — того, что я собираюсь описать, не существует; Оксбридж¹ — это вымысел; Фернхем² — тоже; «я» — это лишь условное обозначение для кого-то, не имеющего реального

---

¹ Неофициальное название двух престижных университетов Великобритании — Оксфорда и Кембриджа.

² Вымышленный колледж в Оксфорде или Кембридже.

прототипа. Из уст моих хлынет ложь, но, возможно, к ней будет примешана и некая истина; вам предстоит отыскать эту истину и решить, стоит ли сохранить какую-то ее часть. Если нет, то вы, разумеется, швырнете все это в корзину для бумаг и забудете об этом.

И вот недели две назад — стояла прекрасная октябрьская погода — сидела я (называйте меня Мэри Бэтон, Мэри Сетон, Мэри Кармайкл или как вам угодно — это не имеет ровно никакого значения) на берегу реки, погруженная в свои мысли. То ярмо, о котором я говорила, — женщины и художественная литература, необходимость прийти к какому-то заключению по вопросу, вызывающему столько предрассудков и страстей, — клонило мою голову к земле. По правую и левую руку были кусты, золотые и багряные, они пылали цветом, будто объятые пламенем. На другом берегу ивы роняли свои пряди на плечи в непрерывном плаче. Река отражала все, что ни пожелает, — и небо, и мост, и пламенеющие деревья, — и, когда студент греб на лодке сквозь отражения, они смыкались вновь, словно его и не было. Здесь можно было бы просидеть круглые сутки, погруженной в раздумья. Мысль — назовем ее гордым именем, коего она не заслуживала! — закинула свою удочку в поток. Она колебалась туда-сюда, минута за минутой, среди отражений и водорослей, позволяя воде поднимать и опускать ее, пока не возникла, — вам знакомы этот легкий толчок, внезапная тяжесть идеи на конце лески, а затем осторожная подсечка и бережное вытяги-

вание улова? Увы, на траве моя мысль показалась такой маленькой, такой незначительной; словно рыбешка, какую хороший рыбак отпускает обратно в воду, чтобы она подросла и в один прекрасный день ее можно было бы снова поймать, приготовить и съесть. Я не стану утруждать вас теперь этой мыслью, хотя если вы будете внимательны, то сможете отыскать ее сами в ходе моего повествования.

Но как бы мала она ни была, она тем не менее обладала таинственным свойством — вернувшись на прежнее место, она тотчас становилась весьма волнующей и важной; и, когда она металась, и ныряла, и сверкала то тут, то там, она поднимала такую волну идей, такое смятение, что невозможно было усидеть на месте. Именно так я обнаружила, что стремительно пересекаю газон. И в тот же миг путь мне преградила мужская фигура. Поначалу я даже не поняла, что жестикуляция странно выглядящего субъекта в сюртуке и белой рубашке адресована мне. На его лице были ужас и негодование. Инстинкт, а не разум пришел мне на помощь: это был педель¹; я же была женщиной. Это был газон; там была дорожка. Здесь было разрешено находиться только профессорам и стипендиатам; мне было отведено место на гравии. Эти мысли промелькнули в моей голове всего за один миг. Когда я вернулась на дорожку, руки педеля опустились, его лицо приняло обычное невозмутимое выражение,

---

¹ Надзиратель за студентами в высших учебных заведениях в дореволюционной России и за границей.

и, хотя по газону ходить приятнее, чем по гравию, трава не понесла хоть сколько-нибудь ощутимый урон. Единственное обвинение, которое я могла бы предъявить профессорам и стипендиатам того колледжа, каким бы он ни был, заключалось в том, что, защищая свой газон, который лелеяли триста лет подряд, они спугнули мою рыбку.

Теперь я не могла вспомнить, какая именно идея заставила меня столь дерзко нарушить правила. Дух мира снизошел подобно облаку с небес, ибо если дух мира и обитает где-либо, так это в четырехугольных дворах Оксбриджа прекрасным октябрьским утром. Прогулка вдоль древних залов колледжа, казалось, сглаживала шероховатость настоящего; тело словно заключалось в чудесный стеклянный футляр, сквозь который не мог проникнуть ни один звук, а ум, свободный от какого-либо контакта с фактами (если только снова не ступить на газон), был волен предаваться любым размышлениям, гармонирующим с этим мгновением. По стечению обстоятельств какое-то случайное воспоминание о старом эссе, посвященном посещению Оксбриджа на долгих каникулах, — был ли это Чарльз Лэм?¹ — «Святой Чарльз», как сказал Теккерей, прикладывая письмо Лэма ко лбу. В самом деле, среди всех усопших (я излагаю вам свои мысли по мере их возникновения) Лэм — один из самых созвучных; тот, кому хотелось бы сказать: «Расскажите же, как вы писали свои эссе?» Поскольку

---

¹ Чарльз Лэм (1775–1834) — английский поэт и литературный критик эпохи романтизма, мастер жанра эссе.

ку его эссе превосходят даже эссе Макса Бирбома¹ — подумала я, даже при всем совершенстве последних, — благодаря той дикой вспышке воображения, тому размаху гения, что пронзает их насквозь, оставляя их с изъязном и несовершенными, но полными поэзии. Значит, Лэм приехал в Оксбридж, быть может, лет сто тому назад. И непременно написал эссе — его название я позабыла — о рукописи одного из стихотворений Мильтона, которую он там увидел. Возможно, это был «Ликид», и Лэм писал, как его потрясла мысль о том, что любое слово в «Ликиде» могло бы быть иным. Сама возможность того, что Милтон мог вносить правки в это стихотворение, казалась ему своего рода святотатством. Я попробовала вспомнить что-то из «Ликида» и позабавилась, угадывая, какое именно слово Милтон мог заменить и почему. Затем мне пришло в голову, что та самая рукопись, на которую смотрел Лэм, находится всего в нескольких сотнях ярдов, так что можно было бы пройти по следам Лэма через двор в знаменитую библиотеку, где хранится это сокровище. Более того, приводя этот план в исполнение, я припомнила, что именно в этой знаменитой библиотеке хранится и рукопись «Эсмонда» Теккерея. Критики часто говорят, что «Эсмонд» — самый совершенный из его романов. Но проникнутый аффектацией стиль, с его подражанием восемнадцатому веку, насколько я помню, стесняет читателя; разве что стиль восемнадцатого века был естествен

---

¹ Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, художник-карикатурист, денди.

для Теккеря — факт, который можно было бы доказать, взглянув на рукопись и увидев, были ли правки внесены ради стиля или смысла. Но тогда пришлось бы отвечать на вопрос о том, что значит стиль и что такое смысл, — вопрос, который... — но я уже была у двери, ведущей в библиотеку. Должно быть, я открыла ее, потому что мгновенно, подобно ангелу-хранителю, появился преградивший мне путь взмахом черной мантии вместо белых крыльев почтительный седой добрый джентльмен, который тихим голосом, выпроваживая меня, с сожалением сообщил, что дамы допускаются в библиотеку только в сопровождении члена колледжа или при наличии рекомендательного письма.

То, что знаменитая библиотека была проклята женщиной, для знаменитой библиотеки совершенно неважно. Почтенная и спокойная, со всеми своими сокровищами, надежно запертыми в ее лоне, она самодовольно почивает и будет, насколько это от меня зависит, почивать во веки веков. Никогда я не пробужу те отголоски, никогда не попрошу того гостеприимства вновь, поклялась я, в гневе спускаясь по ступеням. До ланча все же оставался час, и что мне было делать? Прогуливаться по лугам? Сидеть у реки? Бесспорно, это осеннее утро было прелестным; порхая по воздуху, на землю, алея, спускались листья; не было большой трудности в том, чтобы сделать и то и другое. Но до моего слуха донесся звук музыки. В часовне шла какая-то служба или празднество. Когда я проходила мимо ее дверей, слышался величе-

ственный зов органа. Даже скорбь христианства звучала в этом безмятежном воздухе скорее как воспоминание; даже стенания древнего органа казались облеченными покоем. Я не желала туда идти, даже если бы имела на то право, — быть может, на этот раз послушник остановил бы меня, потребовав свидетельство о крещении или рекомендательное письмо от декана.

Но снаружи эти великолепные здания зачастую столь же прекрасны, как и их внутреннее убранство. Более того, было достаточно забавно наблюдать за собирающейся паствой, входящей и вновь выходящей, суевающейся у дверей часовни, подобно пчелам у входа в улей. Многие были в шапочках и мантиях; у некоторых были кисточки на плечах; других ввозили в инвалидных колясках; иные же, хотя и не достигшие преклонных лет, казались смятыми и вдавленными в формы столь причудливые, что приходило на ум сравнение с теми исполинскими крабами и раками, что с трудом перемещаются по песку на дне аквариума. Прислонившись к стене, я думала, что университет и впрямь кажется святилищем, где сохранились редкие виды, которые вскоре исчезнут, если предоставить их борьбе за существование на мостовой Стрэнда.

На ум приходили старые истории о старых деканах и старых профессорах, но прежде, чем я собралась с духом, чтобы свистнуть, — бывало, говорили, что, услышав свист, старый профессор мгновенно пускался в галоп, — почтенная паства уже вошла внутрь. Мне оставалось изучать экстерьер часовни. Как вам